

в «Сказании» об избрании Филарета. Недаром, предупреждая о приложении, составители «Сказания» подчеркнули роскошный внешний вид грамоты Феофана — «на хартии написану златом и червлеными шарми...».²⁰ Получившийся же элемент «многоплановости» остался совершенно неосознанным.

Отношение к приложениям только как к справочно-обосновательному материалу до конца XVII в. мешало авторам заметить возникающую у них «многоплановость» изложения, какие бы разные авторские точки зрения на события и как бы тесно ни соседствовали. Это хорошо видно в некоторых житиях второй половины XVII в., на которые распространилась традиция документальных приложений. Например, в одном из соловецких сборников житий к повествованию о чудесах Ивана и Логгина Яренгских приложено много крестьянских распросных речей 1624 г., не только пополняющих сведения о чудесах святых, но вносящих в житийный тон рассказа о чудесах деловой стиль приложенных записей высказываний очевидцев и свидетелей.²¹ Однако подобный эффект в то время не был осознан.

В том же сборнике помещено житие Германа Соловецкого с приложением разных документов, в том числе копии грамоты 1690 г. холмогорского архиепископа Афанасия, отражающей более сдержанный, чем в житии, даже несколько скептический взгляд Афанасия на степень святости Германа, которого соловецкие монахи просили канонизировать как святого.²² Приложенные документы используются лишь для того, чтобы показать ход рассмотрения дела о полагающихся Герману церковных службах — и только.

Но в рассматриваемой традиции довольно рано, хотя и медленно, стали развиваться тенденции к повествовательной связи приложения с основным произведением, к объединению их в единое повествование. Заметный шаг к этому был сделан примерно в 1640-х годах, когда в качестве приложений особенно часто стали добавлять «росписи», а затем и «росписи вин» и записки, т. е. документы, составленные обычно в одно и то же время и одним и тем же автором, что и основной документ, а своей неопределенной документальной формой (особенно записки) не так резко отличавшиеся от формы повествования основного документа. С отражением этого явления мы как раз и встречаемся в первой челобитной Аввакума и приложенной к ней записке о Пашкове.

Почему же Аввакум, несмотря на сравнительно тесное соседство текстов с разным обликом авторов, рассказывающих о Пашкове, и несмотря на начавшееся преодоление оторванности приложения от основного повествования, так и не заметил получившейся у него «многоплановости» изложения в целом? Несомненно потому, что тенденция к повествовательному объединению проявилась еще слишком слабо и формально.

В дальнейшем тенденция к более тесной связи приложения с основным текстом усиливается.²³ Однако только лишь в конце XVII в. в не-

²⁰ ДАИ, т. 2, стр. 202—203.

²¹ ГПБ, Соловецкое собрание, № 182, лл. 126—141 об.

²² ГПБ, Соловецкое собрание, № 182, лл. 14—16. — Ср., например, как в 1648—середине 1650-х годов, составляя житие троице-сергиева архимандрита Дионисия, Симон Азарьин лишь для полноты сведений о преподобном прибавил несколько документов в качестве приложения: послание-записку Ивана Наседки, речи Дионисия, послания восточных патриархов и пр., которые с разных точек зрения касаются личности Дионисия. — См. в кн.: В. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 352—353.

²³ Например, в пятой челобитной Аввакума, написанной через несколько лет после первой, в 1669 г., отражается процесс формального превращения самостоятельного документа — приложения в обычное эпистолярное добавление, естественно продолжающее